

политика

И.В.Большаков, В.В.Перевалов
КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ ПРОТЕСТ?
«УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ»
НА МОСКОВСКИХ ВЫБОРАХ

Иван Викторович Большаков — политический аналитик, член Российской ассоциации политической науки. Для связи с автором: ibolshakov@mail.ru.

Владимир Валерьевич Перевалов — магистр политических наук, политический аналитик. Для связи с автором: vlad-perevalov@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию итогов кампании по выборам в Московскую городскую думу 2019 г. и влияния на них стратегии «умного голосования», предложенной А.Навальным. Констатируя, что высокая оценка этой стратегии, с которой часто связывают относительный успех оппозиции на московских выборах, носит не столько научный, сколько эмоциональный характер, авторы тестируют ее обоснованность с помощью статистического и корреляционного анализа. При этом «умное голосование» трактуется ими как разновидность тактического голосования, имеющего совсем иную природу, нежели голосование протестное.

Измерив путем сопоставления уровня поддержки кандидатов на этих и прошлых выборах в Мосгордуму количественный эффект протестного и тактического голосования, изучив значимые связи между различными показателями и рассмотрев возможное воздействие на исход голосования явки избирателей, уровня конкуренции и электорального потенциала округа, авторы приходят к выводу, что успех оппозиции был обеспечен сочетанием двух факторов: ростом протестных настроений, сократившим электоральную базу выдвиненцев власти, и снижением уровня конкуренции внутри оппозиции, обусловленным как стратегией «умного голосования», так и дисквалификацией кандидатов. Эти факторы обеспечили основной переток голосов от административных кандидатов и слабых оппозиционеров к наиболее сильным оппозиционным кандидатам, тем самым способствовал их победе. «Умное голосование» внесло свой вклад в эту победу, но общий исход выборов не определяло. Его количественный эффект составил 5,6% голосов, тогда как эффект протестного голосования — 9,7%. Более того, сыграв решающую роль в победе ряда кандидатов, оно лишило выигрыша примерно столько же представителей оппозиции, которые не смогли противостоять сразу двум конкурентам.

Ключевые слова: выборы, оппозиция, электоральное поведение, тактическое голосование, протестное голосование

Вызвавшие большой общественный резонанс выборы 2019 г. в Московскую городскую думу оказались более успешными для оппозиции, чем все предшествующие электоральные кампании в Москве. Частью процесса мобилизации протестного электората стала стратегия «умного голосования», предложенная политиком Алексеем Навальным, который призвал избирателей голосовать за сильнейшего в округе кандидата от оппозиции, имевшего наибольшие шансы на избрание. По итогам избирательной кампании в 20 из 45 округов победили кандидаты, поддержанные «умным голосованием»: КПРФ увеличила свое представительство в 2,5 раза, «Яблоко» вернулось в столичный парламент после десятилетнего перерыва, а «Справедливая Россия» впервые за время своего существования получила места в Мосгордуме. Основную заслугу в достижении таких результатов часто приписывают именно стратегии «умного голосования», называя итоги голосования «фантастическим» успехом оппозиции.

Между тем экспертная дискуссия о московских выборах происходит без опоры на релевантную аналитическую модель, попытки оценить количественный эффект «умного голосования» носят упрощенный характер, а само «умное голосование» отождествляется с протестным¹. Эта, на наш взгляд, логическая ошибка приводит к неверифицируемому выводу о том, что хотя «ни один пример оппозиционного большинства не может быть с уверенностью объяснен „умным голосованием“, общие результаты указывают на его эффективность»². В действительности тактическое и протестное голосование имеют совершенно разную природу, оппозиционный электорат мог голосовать и не следуя рекомендациям Навального, а исход выборов мог быть обусловлен другими факторами, специфичными для того или иного округа.

¹ См. Rogov 2019; Овчинников 2019; Dollbaum 2019; Waller 2019.

² Dollbaum 2019: 5.

Тактическое и протестное голосование

Прежде чем приступать к интерпретации результатов московских выборов, важно операционализировать аналитические концепты, с которыми мы будем иметь дело. Ошибочная операционализация или отказ от нее, как будет показано далее, приводят к существенным искажениям.

«Умное голосование» — не изобретение отечественной оппозиции, а один из видов электорального поведения, известный в политической науке как тактическое (иногда именуемое также стратегическим) голосование. Термином «тактическое голосование» принято обозначать особый способ политического волеизъявления, при котором избиратель, стремясь максимизировать полезность своего голоса, выбирает партию, отличную от той, чью позицию он действительно разделяет³.

³ Fisher 2004: 153—154.

Такое голосование опирается на опыт избирателей и призвано повлиять на исход выборов: череда поражений предпочитаемой избирателем партии формирует у него негативные ожидания относительно ее перспектив, заставляя искать более прагматическое решение. Тактическое голосование характерно прежде всего для мажоритарной системы,

⁴ Palfrey 1988.

при которой выиграть выборы способны, как правило, лишь представители двух ведущих партий (закон Мориса Дюверже)⁴. Именно это обстоятельство побуждает сторонников третьих партий отдавать свой голос за одну из ведущих, чтобы не потратить его впустую. Стимулирует тактическое поведение и коалиционная политика партий, меняющая привычные электоральные предпочтения. Поэтому к такому типу голосования относят также стратегию страховки коалиций при смешанной избирательной системе, когда избиратель отдает один голос партии первого выбора, а другой — ее потенциальному партнеру по коалиции, с тем чтобы партия первого выбора не потеряла возможность сформировать правительство, если не получит большинства мест в парламенте⁵.

⁵ Gschwend 2007.

⁶ См. Franklin, Niemi, and Whitten 1994.

Некоторые политологи подразделяют тактическое голосование на инструментальное и экспрессивное⁶. В первом случае избиратели, поддерживающие партию с небольшими шансами на победу, вынуждены голосовать за ту, чьи шансы выше. Во втором случае предпочитаемая партия обладает всеми шансами на успех, но избиратели отклоняются от своего обычного выбора, дабы послать этой партии сигнал, что с ней что-то не так. В действительности то, что именуют экспрессивным тактическим голосованием, является голосованием протестным⁷. Экспрессивное голосование имеет социально-психологическую основу, в то время как тактическое строится на рациональном выборе.

⁷ Heath and Evans 1994: 558.

Вместе с тем необходимо различать рациональное и собственно тактическое голосование. Рациональные мотивы могут присутствовать и в протестном голосовании, если избиратели не просто выражают эмоциональное недовольство определенной партией, но и оценивают результаты ее политики (так называемое экономическое голосование)⁸. В свою очередь тактическое голосование базируется исключительно на оценке шансов партий, и в этом его главная особенность. У протестного голосования нет цели поменять победителя, хотя на практике оно часто приводит к такому результату. Выбор избирателя здесь определяется не прогнозированием исходов или стремлением уменьшить шансы неприемлемого для него кандидата, а желанием наказать правящую партию и потребовать перемен⁹.

⁸ См. Lanoue 1994.

⁹ Pop-Eleches 2010: 223.

Рамки анализа

Стоит отметить, что вклад «умного голосования» в результат выборов с трудом поддается точному измерению, ибо мы не можем достоверно установить, по какой причине избиратель голосовал так или иначе. Попытаться определить мотивацию можно с помощью социологического исследования — на данных опросов базируются выводы большинства работ по тактическому голосованию в мажоритарной системе. Однако здесь остается неясным, не повлияло ли на респондента то обстоятельство, что мнение об эффективности и полезности «умного голосования» получило широкое распространение (установка на социально одобряемый ответ), и как интерпретировать возможные расхождения между ответами и официальными итогами выборов.

Гораздо более надежным представляется объяснение электоральных исходов статистическими методами с использованием математических моделей. Тут главная проблема заключается в идентификации подходящей модели, адекватной изучаемому феномену.

В работах, посвященных анализу московских выборов, эксперты оперируют числом дополнительных голосов, полученных кандидатами «умного голосования» в Москве в целом или в усредненном округе, квалифицируя их как эффект консолидации оппозиционного электората¹⁰. Голоса оппозиции традиционно расплывались между разными партиями, поэтому задачей «умного голосования» стало объединение электората оппозиционных партий вокруг наиболее сильного кандидата (определенного командой Навального), что полностью соответствует критериям тактического голосования. Но, объясняя прирост показателей кандидатов «умного голосования» лишь концентрацией оппозиционных голосов, мы упрощаем и искажаем действительную картину выборов.

Подобная трактовка верна только в том случае, если показатели кандидатов от власти не изменились и переток голосов произошел исключительно между кандидатами от оппозиции, причем таким образом, что основной оппозиционный кандидат прибавил за счет второстепенных, а те, в свою очередь, утратили часть поддержки. В реальности голоса к основному оппозиционному кандидату перетекали и от административного кандидата, причем перетекали они не только к нему, но и ко всем оппозиционным кандидатам, включая второстепенных. Поэтому, чтобы оценить влияние «умного голосования» на результаты выборов, необходимо включить в анализ динамику показателей всех кандидатов и все направления перетока голосов.

Для объяснения динамики электоральных предпочтений мы анализируем уменьшение показателей административных и третьих кандидатов по сравнению с аналогичными выборами 2014 г., а также переток голосов от них к альтернативному кандидату, что позволит определить источник консолидации голосов и зафиксировать различия в поведении избирателей. Но так как нам нужно измерить концентрацию оппозиционных голосов, мы будем трактовать как консолидацию только тот процесс, источником которого выступает переток от других оппозиционных кандидатов. Прирост показателя альтернативного кандидата за счет падения результата административного кандидата будет свидетельствовать о протестном голосовании, прирост показателя альтернативного кандидата за счет падения результата третьих кандидатов — о голосовании тактическом.

Поскольку мы исследуем результаты выборов в условиях электорального авторитаризма, название партий и формальный статус партийного кандидата или самовыдвиженца не имеют принципиального значения и не квалифицируют кандидатов как административных или оппозиционных. Административным мы называем наиболее предпочтительного для властей кандидата, определенного ими в качестве

¹⁰ См. *Рогов 2019*;
Dollbaum 2019.

¹¹ При идентификации таких кандидатов мы ориентировались на результаты формирующих опросов, опубликованные в официальных окружных газетах.

потенциального победителя¹¹, независимо от того, имеет ли он какое-либо отношение к «Единой России» или другой партии; альтернативным — наиболее сильного оппозиционного кандидата, попавшего в систему «умного голосования». Все остальные кандидаты отнесены к группе «третьих», или «второстепенных» (там же учитываются и недействительные бюллетени).

Кроме того, мы различаем эффект и эффективность «умного голосования». Эффект равен величине перетока голосов от третьих кандидатов к альтернативному. В случаях, когда такой переток не зафиксирован, можно говорить об отсутствии эффекта. (Конечно, тот факт, что переток не удалось зафиксировать, отнюдь не означает, что в округе в принципе не было тактических голосов, просто переток к третьим кандидатам превышал переток от них.) Аналогичным образом мы определяем эффект протестного голосования. Установление эффекта «умного голосования» позволяет измерить, насколько данный фактор способствовал победе альтернативного кандидата. Эффект является значимым, если он так повлиял на увеличение показателя альтернативного кандидата, что обеспечил ему преимущество перед кандидатом административным (в иной ситуации он проиграл бы выборы). Если же альтернативный кандидат уже имел преимущество перед административным и мог выиграть выборы без тактического голосования, эффект значимым не был.

Эффективность «умного голосования» определяется через общее число случаев альтернативного большинства со значимым эффектом тактического голосования. При этом мы исключаем из расчетов те округа, в которых одни и те же лица одновременно выступали в роли административных и альтернативных кандидатов.

Полученные результаты тестируются с помощью корреляционного анализа (с использованием коэффициента корреляции Пирсона), в ходе которого исследуется влияние показателей одних кандидатов на показатели других. Рассматривается также возможное воздействие на исход голосования таких факторов, как явка избирателей, уровень конкуренции в округе и его (округа) электоральный потенциал.

Электоральные исходы в округах

По итогам выборов в московский парламент прошло 20 кандидатов, попавших в систему «умного голосования», и 25 кандидатов, поддержанных «Единой Россией», хотя и баллотировавшихся в качестве самовыдвиженцев. Как и в прошлую кампанию, не все административные кандидаты были аффилированы с «партией власти»: шесть округов были зарезервированы для системной оппозиции. В двух из них выиграли кандидаты, поддержанные как властями, так и «умным голосованием» (Леонид Зюганов в округе № 21 и Николай Губенко в округе № 37), что лишает нас возможности определить в этих округах административных и альтернативных кандидатов, поэтому мы не будем учитывать их в дальнейшем анализе. Таким образом, рассматриваемая нами

модель охватывает 43 округа. В 18 из них победили кандидаты «умного голосования»: 11 кандидатов от КПРФ, четыре — от «Яблока» и три — от «Справедливой России». В остальных 25 округах победу одержали административные кандидаты — самовыдвиженцы.

В 42 округах альтернативные кандидаты улучшили результаты по сравнению с прошлыми выборами, набрав в среднем на 15 процентных пунктов (п.п.) больше сильнейших оппозиционеров в этих округах в 2014 г. Динамика административных и третьих кандидатов разнообразнее: в семи округах выросли (в 36 упали) результаты кандидатов, пользующихся поддержкой власти; в 11 выросли (в 32 упали) результаты третьих кандидатов. Показатели административных кандидатов в среднем снизились на 10,2 п.п., показатели третьих кандидатов — на 4,8 п.п.

Анализ динамики голосов свидетельствует о том, что высокий результат альтернативных кандидатов был достигнут в первую очередь за счет значительного сокращения поддержки административных кандидатов. Особенно выразительную картину такой зависимости дает сравнение результатов при разделении округов по типу большинства (административное vs. альтернативное). В округах, где оппозиция победила, показатели альтернативных кандидатов выросли на 18,3 п.п., там, где она проиграла, — на 12,6 п.п. Административные кандидаты в проигранных округах потеряли 12,9 п.п., что на 2,7 п.п. больше средней потери по 43 округам и на 4,7 п.п. больше, чем в округах, в которых они победили (здесь показатель упал лишь на 8,2 п.п.).

В обеих группах округов мы в целом не видим перетока электората от третьих кандидатов к альтернативным, превосходящего переток от административных кандидатов. Падение результатов третьих кандидатов в округах с альтернативным большинством составило 5,35 п.п., что всего на 0,39 п.п. превышает среднее и на 1 п.п. то, которое зафиксировано в округах с административным большинством (4,35 п.п.). Сравнение демонстрирует, что эффект концентрации голосов оппозиции в двух типах округов был примерно одинаковым, тогда как эффект разочарования в кандидатах от власти различался, и от этого различия зависел результат альтернативного кандидата.

О переоценке фактора консолидации говорит и сравнение перетоков голосов по каждому из округов. Из 18 округов с альтернативным большинством административные кандидаты набрали больше своих предшественников только в двух, в шести же потеряли свыше 20 п.п. Третьи кандидаты улучшили свои результаты в четырех округах, и в четырех же ухудшили их более чем на 10 п.п. Из 25 округов с административным большинством в пяти наблюдался прирост показателей кандидатов от власти, и всего в двух падение составляло более 20 п.п. Третьи кандидаты добились лучших, чем в 2014 г., результатов в семи округах, в шести округах падение их показателей превысило 10 п.п.

В четверти округов в целом (11 из 43) и в четверти округов с альтернативным большинством (4 из 18) зафиксирована положительная динамика показателей третьих кандидатов, что не могло произойти

в ситуации тактического голосования и консолидации оппозиционного электората вокруг основного оппонента власти. При этом в округе № 26 альтернативный кандидат не просто проиграл административному, но и набрал на 7 п.п. меньше главного оппозиционного кандидата на прошлых выборах (прирост показателей третьих кандидатов здесь достиг рекордных 21,4 п.п.).

В 32 округах виден эффект «умного голосования», а в 35 — протестного (см. *Приложение*). В 25 случаях налицо два параллельных перетока, в 17 — только один (в 10 округах — переток от административных кандидатов, в семи — от третьих). Сравнение объемов перетоков также говорит о преобладании протестного голосования: в 30 случаях снижение показателей административных кандидатов превысило снижение показателей третьих кандидатов, в 13 — наоборот. В округах с альтернативным большинством это соотношение составляет 12 к 6. Максимальный эффект «умного голосования» отмечен в округе № 9 (20,5 п.п.), однако отсутствие второго эффекта (административный кандидат прибавил 5,6 п.п.) нивелировало его воздействие, и альтернативный кандидат проиграл.

Однако нам важно не просто наличие эффекта, а его значимость, то есть ответ на вопрос, мог ли альтернативный кандидат победить, если бы «умного голосования» не было. В поисках такого ответа мы сопоставили результаты административных кандидатов в округах, где победила оппозиция, с результатами альтернативных кандидатов, очищенными от эффекта «умного голосования». Только в четырех случаях альтернативный кандидат определенно потерял бы преимущество, что указывает на значимость эффекта «умного голосования». В округе № 2 отставание составило бы 13,1 п.п., в округе № 8 — 9,1 п.п., в округе № 19 — 6,6 п.п., в округе № 44 — 3,2 п.п. В 10 округах эффект «умного голосования» не был значимым — альтернативные кандидаты и без него победили бы с перевесом в диапазоне от 3,5 до 23,1 п.п., при этом в шести из них отрыв бы превысил 15 п.п.

Еще в четырех округах превосходство одних кандидатов над другими не выходит за рамки 1 п.п. В двух из них наблюдается незначительное преобладание эффекта тактического голосования (в округе № 45 разрыв составляет 0,43 п.п., в округе № 11 — 0,85 п.п.), в двух — эффекта протестного голосования (в округе № 3 — 1 п.п., в округе № 24 — 0,44 п.п.). Подобные величины не позволяют точно прогнозировать возможный исход голосования, поэтому мы будем рассматривать эти случаи как пограничные. С одной стороны, «умное голосование» обеспечило дополнительные голоса кандидатам от оппозиции и защитило их от возможных фальсификаций. С другой стороны, список «умного голосования» стимулировал мобилизацию зависимого электората, без которой результат административного кандидата мог оказаться ниже.

В целом вклад «умного голосования» можно оценить в 5,57% голосов избирателей, а голосования протестного — в 9,72%; это величины перетоков от третьих и административных кандидатов соответственно

в приросте показателей альтернативных кандидатов. При этом общий объем протестного голосования (то есть величина перетока от административных ко всем иным кандидатам) составляет 11,13%.

Аналогично тому, как были определены округа, где решающую роль сыграла стратегия Навального, можно выделить округа, где эта стратегия принесла бы победу оппозиции, если бы в список «умного голосования» попали другие кандидаты. Известный случай с округом № 30, в котором кандидат «умного голосования» Владислав Жуковский проиграл не только административному кандидату, но и оппозиционеру Роману Юнеману, — не единственный пример ошибки с выбором кандидата. Сбой в стратегии отчетливо просматривается еще в четырех округах, где «умным голосованием» были поддержаны кандидаты от «Справедливой России». В двух из них представители КПРФ и «Справедливой России» получили сопоставимые результаты: 25,3 vs. 25,6% (округ № 13) и 23,4 vs. 25,9% (округ № 28), то есть имело место распыление голосов. В двух других консолидация либо была недостаточной (в округе № 38 альтернативный кандидат смог улучшить результат 2014 г. только на 3,84 п.п.), либо отсутствовала в принципе (в округе № 26 альтернативный кандидат получил на 7,3 п.п. меньше основного оппозиционного кандидата на прошлых выборах). В этих округах административные кандидаты потеряли 14 и 10 п.п. соответственно, что позволяло представителям оппозиции победить в случае большей консолидации голосов.

Неверное восприятие тактической ситуации, связанное с неадекватной оценкой популярности кандидатов, — одна из частых ошибок тактического голосования¹². Прогнозы строятся на неправильном толковании результатов опросов, упускающем из вида тот факт, что часть респондентов начинает делать тактический выбор уже на этапе опроса, отдавая предпочтение аутсайдерам и игнорируя кандидатов, пользующихся в действительности более широкой поддержкой, чем представляется их потенциальным избирателям. При этом нельзя исключать, что ошибки могли быть и следствием манипулятивной игры авторов стратегии.

Наши общие выводы подтверждаются результатами корреляционного анализа, для которого мы использовали данные о динамике показателей трех типов кандидатов как по всем округам, так и по округам с альтернативным и административным большинством по отдельности. Как видно из *табл. 1*, коэффициент корреляции (R) между динамикой показателей административных и альтернативных кандидатов составляет $-0,42$, что говорит о наличии умеренной связи между падением поддержки первых и ростом поддержки вторых. Связь между показателями альтернативных и третьих кандидатов оказалась слабее ($R = -0,31$). Корреляцию между показателями административных и третьих кандидатов ($R = -0,73$) можно интерпретировать как связь между существенным ослаблением позиций административных кандидатов и незначительным — кандидатов третьих.

¹² Heath and Evans 1994; Таагенера и Шугарт 1997.

Таблица 1 Корреляция между динамиками поддержки кандидатов

	Динамика поддержки альтернативных кандидатов			Динамика поддержки третьих кандидатов		
	Все округа	Округа с альтернативным большинством	Округа с административным большинством	Все округа	Округа с альтернативным большинством	Округа с административным большинством
<i>Динамика поддержки административных кандидатов</i>	-0,42	-0,77	-0,03	-0,73	-0,81	-0,80
<i>Динамика поддержки альтернативных кандидатов</i>	—			-0,31	0,24	-0,57

$R > 0,7$ — высокая корреляция; $R = 0,5-0,7$ — средняя корреляция;
 $R = 0,3-0,5$ — слабая корреляция

Сравнение динамики голосования в округах с альтернативным большинством демонстрирует более значимую корреляцию между падением показателей административных и ростом показателей альтернативных кандидатов ($R = -0,77$). Сокращение поддержки первых объясняет рост поддержки вторых в 59% случаев, то есть в 10 округах из 18, что совпадает с итогом нашего предварительного анализа.

Совершенно иной результат дает анализ связи между альтернативными и третьими кандидатами ($R = 0,24$). Не столько сила связи, сколько ее направление опровергает гипотезу о том, что динамика показателей третьих кандидатов может служить объясняющей переменной по отношению к динамике показателей альтернативного кандидата. Поскольку мы рассматриваем рост одних показателей за счет падения других (модель песочных часов), лишь отрицательная связь между ними будет свидетельствовать о перетоке голосов. Положительный коэффициент означает, что поддержка альтернативных кандидатов интенсивнее росла там, где третьи кандидаты меньше теряли, а из этого следует, что результат победителей был обеспечен другими перетоками.

В округах, где победили административные кандидаты, влияние «умного голосования» было больше. Здесь коэффициент корреляции между динамиками результатов третьих и альтернативных кандидатов ($-0,57$) говорит о значимости перетока голосов в 32% случаев.

Еще один показатель, который необходимо рассмотреть, — динамика явки избирателей. Нельзя отрицать, что в округах, где победили

альтернативные кандидаты, рост явки был более заметным. Она опустилась только в трех из них и поднялась в 15 (средний рост — 1,2 п.п.). Из 25 округов, в которых победу одержали административные кандидаты, явка снизилась в девяти, а ее среднее увеличение составило 0,3 п.п. Однако мы не можем приписывать повышение явки исключительно мобилизационному эффекту «умного голосования». На ее уровень влияли как политические, так и демографические причины, а также фактор административного привлечения избирателей. Результаты корреляционного анализа, проведенного для всего массива округов, не выявили связи между динамикой явки и динамикой поддержки кандидатов. В то же время при изучении двух типов округов по отдельности обнаруживаются интересные корреляции (см. табл. 2).

Таблица 2 Корреляция между динамиками явки и поддержки кандидатов

	Динамика явки		
	Все округа	Округа с альтернативным большинством	Округа с административным большинством
<i>Динамика поддержки административных кандидатов</i>	0,19	0,58	-0,05
<i>Динамика поддержки альтернативных кандидатов</i>	-0,01	-0,67	0,36

$R > 0,7$ — высокая корреляция; $R = 0,5-0,7$ — средняя корреляция; $R = 0,3-0,5$ — слабая корреляция

В округах с альтернативным большинством имеется значимая положительная связь между увеличением явки и результатами административных кандидатов ($R = 0,58$) и значимая отрицательная связь между увеличением явки и результатами кандидатов «умного голосования» ($R = -0,67$). С притоком дополнительных избирателей показатели административных кандидатов падали меньше, а показатели оппозиции меньше росли, что, вероятно, объясняется усиленной мобилизацией зависимого электората там, где у властей не было уверенности в победе. В округах, где победили административные кандидаты, ситуация обратная: при наличии слабой связи между приростом явки и динамикой результатов альтернативных кандидатов ($R = 0,36$) связь между колебаниями явки и результатами административных

кандидатов отсутствует ($R = -0,05$). В этих округах административный ресурс для мобилизации провластного электората использовался не так активно, на фоне чего мобилизовались сторонники оппозиции (что, однако, не помогло ей победить).

Другие факторы

В действительности не все избиратели, поменявшие предпочтение, руководствовались протестными или тактическими соображениями. Часть из них голосовала за кандидатов искренне, ориентируясь на широкий круг параметров — от личных качеств и медийной известности до партийного бренда и степени оппозиционности, поэтому реальная доля тактического и протестного голосования в перетоке электората была меньше, чем следует из нашего анализа. Но даже признавая их значимость, нельзя игнорировать то влияние, которое оказала на исход выборов сложившаяся в округе конфигурация итогового перечня кандидатов.

Важнейшим фактором динамики голосования было снижение конкуренции. Если на прошлых выборах административному кандидату противостояло в среднем пять оппонентов, то на этих — 4,2 в округах с административным большинством и 3,9 в округах с большинством оппозиционным. Но еще большую роль сыграло отсутствие в ряде округов партий, выдвинувших на прошлых выборах основного или второго альтернативного кандидата (10 кандидатов со средним результатом 22,5% и 22 со средним результатом 12,6%). Подобная ситуация стала следствием административной дисквалификации, к которой можно отнести не только отказ в регистрации кандидатов, но и утрату «Яблоком» институциональной возможности выдвигать их без сбора подписей.

Ни в одном из округов, за исключением округа № 30, в бюллетенях не был представлен полный набор кандидатов от основных политических сил Москвы. В шести округах, как уже упоминалось, отсутствовали аффилированные с «Единой Россией» административные кандидаты. В других не выдвигались или не были зарегистрированы кандидаты от КПРФ или «Справедливой России» (семь случаев). В большинстве округов не было либеральных кандидатов (40 случаев): если в 2014 г. кандидаты от «Яблока» баллотировались практически во всех округах, то на этот раз лишь в четырех. В результате многие округа недосчитались партийных брендов, способных привлечь ядерный электорат или обладающих относительно широкими мобилизационными возможностями. Используя инструмент дисквалификации, власти случайно снизили конкуренцию внутри оппозиции, тем самым повысив уровень конкуренции между наиболее сильным оппозиционным и административным кандидатами.

Избирателям, лишенным партии первого выбора, не оставалось ничего иного, кроме как отдать свой голос партии второго выбора. Такое голосование не означало рационального взвешивания шан-

сов, а было навязано списком персоналий в избирательном бюллетене и потому лишь с большой натяжкой может быть квалифицировано как тактическое. То же относится и к протестному голосованию: из-за отказа административных кандидатов от бренда «Единой России» не все избиратели могли их идентифицировать и были вынуждены голосовать за кандидатов других партий, руководствуясь экспрессивными и иными соображениями.

При наличии в бюллетене более широкого круга партий часть избирателей не стала бы отступать от обычного выбора и исключать своего кандидата из борьбы за первое место, о чем свидетельствуют результаты голосования в относительно конкурентных округах, где дистанция между основным и вторым оппозиционными кандидатами оказалась меньше, чем в других округах. Иными словами, тактическое голосование можно точно идентифицировать лишь при наличии всей линейки кандидатов; в противном случае переток голосов может объясняться обычной волатильностью электоральных предпочтений.

Как показывают исследования Владимира Колосова и Ростислава Туровского¹³, несмотря на воспроизводство электорального ядра, существенная доля избирателей склонна менять предпочтения и консолидироваться вокруг ведущих кандидатов или «новичков» кампании. Электоральную волатильность подтверждают и социологические исследования: до трети российских избирателей с легкостью меняют свой выбор, причем за кратчайшее время¹⁴, что превышает аналогичные показатели в европейских странах¹⁵.

Нестабильность выбора обусловлена слабой партийной идентификацией: голосуя за те или иные провластные либо оппозиционные партии, избиратели выражают скорее свое отношение к правительству, нежели приверженность партиям и их программам¹⁶. В такой среде электоральные предпочтения имеют хаотичную динамику и меняются в зависимости от экономического и политического контекста, что также стимулирует склонность к тактическому голосованию. В условиях подъема протестных настроений усиливается поляризация по линии «власть—оппозиция», повышающая шансы оппозиционных партий. И поскольку слабая партийная идентификация делает их для избирателя взаимозаменяемыми, дисквалификация части оппозиционных кандидатов на московских выборах не лишила оппозицию перспективы, а обернулась возможностью для оставшихся.

Еще одним важным фактором является потенциал избирательного округа. С точки зрения электоральной географии Москва распадается на несколько относительно устойчивых провластных, оппозиционных и смешанных кластеров¹⁷. Сопоставление результатов голосования с географическим распределением кластеров подтверждает наличие зависимости между исходом выборов и потенциалом электоральной поддержки на территории округа: административные кандидаты побеждали в основном в провластных и смешанных кластерах, альтернативные — в оппозиционных и смешанных.

¹³ См. Колосов и Бородулина 2004; Туровский 2012, 2018.

¹⁴ См. Мамонов 2013: 33—34.

¹⁵ См. Майр 2019: 52—56.

¹⁶ Зевина и Макаренко 2010.

¹⁷ Лыткина 2016.

Аналогичную связь демонстрирует сравнение последних выборов с предыдущими. В 19 из округов с административным большинством на прошлых выборах кандидаты власти получили более 40%; при этом в 14 округах этого типа альтернативные кандидаты набрали менее 20%. В округах, где в 2019 г. мандаты завоевали альтернативные кандидаты, в прошлый раз в 11 случаях за них проголосовало более 20% избирателей; правда, и административных кандидатов здесь в 12 случаях поддержало более 40%. Иначе говоря, оппозиция потенциально имела больше шансов в тех округах, где на выборах 2014 г. альтернативный кандидат достиг наивысших результатов, и меньше там, где их добился кандидат административный. Последнее, впрочем, верно лишь частично, поскольку хорошие прежние показатели в ряде случаев не помогли административным кандидатам сохранить мандат, однако это в очередной раз демонстрирует, что динамика их поддержки имела для исхода выборов первостепенное значение.

Протестное голосование

Резкое изменение предпочтений, приведшее к снижению голосования за административных кандидатов, требует объяснения, которое, на наш взгляд, заключается в подъеме протестных настроений. Если на выборах 2014 г. в связи с крымским консенсусом наблюдался ралли-эффект¹⁸, обеспечивший консолидацию вокруг власти и готовность избирателей пожертвовать решением экономических проблем ради внешнеполитических достижений, то последние выборы прошли под знаком растущей неудовлетворенности материальным положением и возвращению в центр внимания избирателей внутриполитической повестки. Массовое недовольство целым рядом реформ (повышение пенсионного возраста, программа реновации жилья, «мусорная» реформа, оптимизация учреждений здравоохранения) и неблагоприятная ситуация в экономике привели к сдвигам в общественном сознании, уменьшив шансы власти и способствовав победе оппозиции.

О смене политических установок говорят исследования общественного мнения, фиксирующие как увеличение запроса на перемены и политическое представительство, так и падение рейтингов президента и «партии власти»¹⁹. О том же свидетельствуют волна массовых выступлений против инициатив властей (2018 и 2019 гг. называют рекордными по числу протестов²⁰) и серия побед оппозиции на выборах в регионах (здесь стоит упомянуть муниципальную кампанию 2017 г. в Москве и губернаторские выборы 2018 г.). Параллельно происходила политизация общества. Этот процесс затронул не только новое поколение, но и те социальные и электоральные группы, которые раньше не проявляли интереса к политике.

На актуализацию политической повестки повлиял также арест журналиста «Медузы» Ивана Голунова и увольнение ряда сотрудников газеты «Коммерсантъ» и Высшей школы экономики. Немалую

¹⁸ См. Бызов 2015; Казун 2017.

¹⁹ Дмитриев, Белановский и Никольская 2018; Волков и Колесников 2019; Шестопал, Вагина и Пасс 2019.

²⁰ Рост 2018; Как протестуют 2019.

²¹ Zhelnina 2019.

роль сыграл местный активизм, подпитывавший районную и общегородскую мобилизацию²¹. Усилиями муниципальных депутатов, избранных в 2017 г., локальная протестная активность вокруг городских проблем соединялась с политической повесткой, позволяя поддерживать уровень протеста и вовлеченность местных сообществ в политические дела.

В этих условиях результаты московских выборов не могли соответствовать привычным ожиданиям властей. Рост протестных настроений создавал шанс на победу альтернативных кандидатов в значительном числе округов. Именно поэтому к выборам не были допущены многие представители оппозиции, способные составить конкуренцию административным выдвигенцам, что спровоцировало в Москве политический кризис и самые массовые протесты со времен митингов 2011—2012 гг. Повышение уровня социального недовольства обусловило протестное голосование, а политизация избирательной кампании породила ситуацию, при которой выбор административных кандидатов перестал восприниматься как социально одобряемое действие. Появление «окна возможностей» и подтолкнуло Навального, ранее призывавшего к бойкоту голосования, к выработке новой стратегии.

Конечно, можно предположить, что часть избирателей, проголосовавших протестно, ориентировалась на список «умного голосования». Однако, учитывая низкую явку (21,8%), речь шла не о конформистском или индифферентном электорате, чье вовлечение в избирательный процесс неизбежно приводит к росту показателей явки, а об избирателях, постоянно участвующих в выборах и являющихся социальной базой провластных сил, но поменявших на этот раз свои обычные предпочтения на противоположные. Между тем «умное голосование» было ориентировано на сторонников оппозиционных партий и имело целью изменить их поведение, что не позволяет рассматривать его как синоним протестного голосования.

Общие выводы и перспективы

Выборы в Московскую городскую думу долгое время оставались в тени федеральных и не вызвали особого интереса со стороны общества, тем более что ввиду действующей на них мажоритарной формулы кампания распадалась на множество сегментов. При всем том сложившаяся в 2019 г. ситуацию нельзя назвать уникальной. Москвичи традиционно демонстрируют оппозиционный настрой и относительно низкий уровень поддержки режима. Ранее это не приносило сколько-нибудь заметных плодов, но сохраняло электоральный потенциал, который проявился, как только сложились благоприятные условия. От других кампаний последняя отличается тем, что организационные усилия оппозиции не пропали даром, а конвертировались в два десятка депутатских кресел.

Как показал анализ, успех оппозиции был обеспечен сочетанием двух факторов: ростом протестных настроений, сократившим

электоральную базу выдвиженцев власти, и снижением уровня конкуренции внутри оппозиции, обусловленным как стратегией «умного голосования», так и дисквалификацией кандидатов. Эти факторы обеспечили основной переток голосов от административных кандидатов и слабых оппозиционеров к наиболее сильным оппозиционным кандидатам, что во многих случаях привело к их победе. «Умное голосование» способствовало этой победе и было одним из слагаемых успеха, но общий исход выборов не определяло и высокой эффективностью не отличалось. Количественный эффект «умного голосования» составил 5,6% голосов, тогда как эффект протестного голосования — 9,7%. Более того, сыграв решающую роль в победе ряда кандидатов, оно лишило выигрыша примерно столько же представителей оппозиции, которые не смогли противостоять сразу двум конкурентам.

От других примеров тактического поведения «умное голосование» отличает не его популярность или предполагаемый успех, а то, что его инициировали не субъекты электорального процесса и не избиратели, эвристически выбравшие такую стратегию, а влиятельный политический актор, не получающий прямых выгод от ее использования, за исключением символического капитала. И это объединяет данную стратегию с низовыми гражданскими инициативами, вместе с тем позволяя ей быть более организованной и сравнительно более результативной.

В то же время не стоит забывать, что декларируемая цель «умного голосования» — лишить «Единую Россию» большинства — не была достигнута. Впрочем, последствия стратегии Навального для политического процесса не являются предметом нашего анализа. Мы также оставляем за скобками вопрос о ее влиянии на партийную систему и другие институты. Между тем, даже будучи успешной с точки зрения мобилизации против режима, она может оказаться бесполезной для демократического процесса *per se*, так как создает дополнительные стимулы для движения партий в сторону всеохватности, способствует маргинализации малых партий и в перспективе снижает доверие к демократическим процедурам вследствие разочарования в «плохом» выборе.

Предстоящий транзит власти повышает значимость механизмов протестного и тактического поведения избирателей, и это, безусловно, актуализирует задачу их дальнейшего и всестороннего изучения.

Библиография

Бызов Л.Г. (2015) «Национальный консенсус или общественная аномалия?» // *Свободная мысль*, № 4: 60—75.

Волков Д. и А. Колесников. (2019) *Мы ждем перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения*. М.: Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (проверено 3.12.2019).

Дмитриев М., С.Белановский и А.Никольская. (2018) *Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия*. М.: Комитет гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (проверено 6.12.2019).

Зевина О.Г. и Б.И.Макаренко. (2010) «Об особенностях политической культуры современной России» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 114—131.

Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в третьем квартале 2019 года. (2019) М.: Центр социально-трудовых прав. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_3_Quart_2019.pdf (проверено 8.12.2019).

Казун А.Д. (2017) «Эффект „rally around the flag“. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов?» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 136—146.

Колосов В.А. и Н.А.Бородулина. (2004) «Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 70—79.

Лыткина К.А. (2016) *Электоральная культура населения города Москвы: социологический анализ*. Дисс. ... канд. соц. наук. М: МГИМО(У) МИД России.

Майр П. (2019) *Управляя пустотой: Размывание западной демократии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Мамонов М.В. (2013) «Электоральные предпочтения россиян: семь пятниц на неделе?» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2: 33—39. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2013/114/2013_114_6_Мамонов.pdf (проверено 3.12.2019).

Овчинников Б. (2019) «Эффект „Умного голосования“ в Москве: 300 тысяч голосов». URL: <https://www.golosinfo.org/articles/143799> (проверено 3.12.2019).

Рогов К. (2019) «„Умное голосование“: стратегия, количественные оценки, перспективы» // Рогов К., ред. *Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019*. М.: Фонд «Либеральная миссия»: 91—97.

Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017—2018 гг. (2018) М.: Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2018/11/Протесты-в-РФ-всероссийский-мониторинг.pdf> (проверено 3.12.2019).

Таагепера Р. и М.С.Шугарт. (1997) «Описание избирательных систем» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 114—136.

Туровский Р.Ф. (2012) «Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации?» // *Полития*, № 3: 100—120. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Turovskiy-2012-3.pdf (проверено 3.12.2019).

Туровский Р.Ф. (2018) «Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации» // *Полития*, № 2: 23–50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (проверено 3.12.2019).

Шестопап Е.Б., В.В.Вагина и П.С.Пасс. (2019) «Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами» // *Полития*, № 4: 67–86. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\)-67-86.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95)-67-86.pdf) (проверено 30.12.2019).

Dollbaum J.M. (2019) «Outsmarting Electoral Authoritarianism? Alexey Navalny's „Smart Voting“ in Moscow and Beyond» // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 5–11.

Fisher S. (2004) «Definition and Measurement of Tactical Voting: The Role of Rational Choice» // *British Journal of Political Science*, vol. 34, no. 1: 152–166.

Franklin M., R.Niemi, and G.Whitten. (1994) «The Two Faces of Tactical Voting» // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 549–557.

Gschwend T. (2017) «Ticket-Splitting and Strategic Voting under Mixed Electoral Rules: Evidence from Germany» // *European Journal of Political Research*, vol. 46, no. 1: 1–23.

Heath A. and G.Evans. (1994) «Tactical Voting: Concepts, Measurement and Findings» // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 557–561.

Lanoue D.J. (1994) «Retrospective and Prospective Voting in Presidential-Year Elections» // *Political Research Quarterly*, vol. 47, no. 1: 193–205.

Palfrey T.R. (1988) *A Mathematical Proof of Duverger's Law*. Social Science Working Paper no. 688. California Institute of Technology, Pasadena, CA.

Pop-Eleches G. (2010) «Throwing out the Bums: Protest Voting and Unorthodox Parties after Communism» // *World Politics*, vol. 62, no. 2: 221–260.

Waller J. (2019) «Smart Voting» *Is Getting Smarter*. URL: <https://www.ridl.io/en/smart-voting-is-getting-smarter/> (accessed on 25.11.2019).

Zheltnina A. (2019) «National and Urban Politics Converge in Moscow: Will Local Activism Prevail?» // *Metropolitiques*, 1.10. URL: <https://www.metropolitiques.eu/National-and-Urban-Politics-Converge-in-Moscow-Will-Local-Activism-Prevail.html> (accessed on 5.12.2019).

Сравнение эффектов «умного» и протестного голосования

№ округа	Победитель	Результат административного кандидата, %	Результат альтернативного кандидата, %	Эффект «умного голосования», %	Эффект протестного голосования, %	Отрыв альтернативного кандидата от административного без учета эффекта «умного голосования», %
1	Андрей Титов (административный кандидат)	38,76	34,03	13,80	5,39	-18,53
2	Дмитрий Локтев (альтернативный кандидат)	37,13	39,80	15,81	1,50	-13,14
3	Александр Соловьев (альтернативный кандидат)	32,94	34,95	1,01	18,13	1,00
4	Мария Киселева (административный кандидат)	41,29	35,06	0,99	10,49	-7,22
5	Роман Бабаян (административный кандидат)	47,17	39,72	15,36	0,00	-22,81
6	Евгений Бунимович (альтернативный кандидат)	27,75	40,56	7,46	9,17	5,35
7	Надежда Перфилова (административный кандидат)	35,75	35,37	4,18	10,09	-4,56
8	Дарья Беседина (альтернативный кандидат)	31,41	36,57	14,28	2,06	-9,12
9	Андрей Медведев (административный кандидат)	40,02	38,70	20,52	0,00	-21,84
10	Лариса Каргавцева (административный кандидат)	40,95	28,50	4,63	12,01	-17,08
11	Николай Зубрилин (альтернативный кандидат)	33,26	43,12	10,71	0,00	-0,85
12	Алексей Шапошников (административный кандидат)	40,83	37,56	8,91	11,30	-12,18
13	Игорь Бускин (административный кандидат)	31,89	25,61	0,00	11,15	-6,28

<i>№ округа</i>	<i>Победитель</i>	<i>Результат административного кандидата, %</i>	<i>Результат альтернативного кандидата, %</i>	<i>Эффект «умного голосования», %</i>	<i>Эффект протестного голосования, %</i>	<i>Отрыв альтернативного кандидата от административного без учета эффекта «умного голосования», %</i>
14	Максим Круглов (альтернативный кандидат)	22,78	39,32	0,00	14,10	16,54
15	Сергей Савостьянов (альтернативный кандидат)	31,86	42,16	6,51	21,57	3,79
16	Михаил Тимонов (альтернативный кандидат)	30,85	36,40	2,08	15,00	3,47
17	Виктор Максимов (альтернативный кандидат)	28,25	45,87	2,43	26,33	15,19
18	Елена Янчук (альтернативный кандидат)	23,19	42,15	0,00	12,27	18,96
19	Олег Шереметьев (альтернативный кандидат)	38,20	40,23	8,65	13,10	-6,62
20	Евгений Ступин (альтернативный кандидат)	21,91	45,03	0,00	25,94	23,12
21	Леонид Зюганов (—)	—	—	—	—	—
22	Инна Святенко (административный кандидат)	44,93	32,59	3,98	10,74	-16,32
23	Елена Николаева (административный кандидат)	40,64	36,16	7,86	7,98	-12,34
24	Павел Тарасов (альтернативный кандидат)	33,08	38,99	5,47	7,34	0,44
25	Людмила Стебенкова (административный кандидат)	37,32	33,74	1,51	15,61	-5,09
26	Кирилл Щитов (административный кандидат)	37,27	25,03	0,00	0,00	-12,24
27	Степан Орлов (административный кандидат)	41,26	35,20	0,00	20,53	-6,06
28	Елена Самышина (административный кандидат)	38,80	25,88	2,38	6,49	-15,30
29	Олег Артемьев (административный кандидат)	41,52	33,36	9,31	0,00	-17,47

<i>№ округа</i>	<i>Победитель</i>	<i>Результат административного кандидата, %</i>	<i>Результат альтернативного кандидата, %</i>	<i>Эффект «умного голосования», %</i>	<i>Эффект протестного голосования, %</i>	<i>Отрыв альтернативного кандидата от административного без учета эффекта «умного голосования», %</i>
30	Маргарита Русецкая (административный кандидат)	28,61	24,76	0,00	7,70	-3,85
31	Любовь Никитина (альтернативный кандидат)	29,45	44,22	6,51	22,89	8,26
32	Ольга Мельникова (административный кандидат)	36,48	35,16	11,41	0,00	-12,73
33	Людмила Гусева (административный кандидат)	40,83	32,00	0,00	13,90	-8,83
34	Александр Семенников (административный кандидат)	36,43	34,67	7,81	5,61	-9,57
35	Наталья Метлина (административный кандидат)	35,03	28,36	3,52	1,86	-10,19
36	Ольга Шарапова (административный кандидат)	35,23	35,15	4,37	14,85	-4,45
37	Николай Губенко (—)	—	—	—	—	—
38	Александр Козлов (административный кандидат)	35,65	24,99	0,00	10,35	-10,66
39	Валерий Головченко (административный кандидат)	35,32	28,14	0,00	0,60	-7,18
40	Татьяна Батышева (административный кандидат)	37,14	32,77	2,46	14,10	-6,83
41	Евгений Герасимов (административный кандидат)	41,08	34,38	14,74	0,00	-21,44
42	Екатерина Енгальчева (альтернативный кандидат)	20,76	42,72	0,00	20,90	21,96
43	Сергей Митрохин (альтернативный кандидат)	20,05	44,70	8,89	8,38	15,76
44	Елена Шувалова (альтернативный кандидат)	42,37	44,99	5,83	0,00	-3,21
45	Магомет Яндиев (альтернативный кандидат)	32,42	38,09	6,10	8,57	-0,43

РОССИЯ

I.V.Bol'shakov, V.V.Perevalov

CONSOLIDATION OR PROTEST? “SMART VOTING” IN MOSCOW ELECTIONS

Ivan V. Bol'shakov — Political Analyst, Member of the Russian Political Science Association. Email: ibolshakov@mail.ru.

Vladimir V. Perevalov — MA in Political Science; Political Analyst. Email: vlad-perevalov@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the study of the results of the 2019 Moscow City Duma election campaign and the impact of the “smart voting” strategy proposed by A.Navalny. The authors suggest that a high assessment of this strategy, which is often associated with the relative success of the opposition in Moscow elections, is emotional rather than scientific, and test the validity of this strategy using statistical and correlation analysis. They interpret “smart voting” as a kind of tactical voting, which has a completely different nature than a protest vote.

The authors measure a quantitative effect of protest and tactical voting by comparing the level of support for candidates in the 2019 Moscow City Duma and its previous elections, examine significant correlations between various indicators and evaluate possible effects of voter turnout, level of competition and the electoral potential of the district on voting outcomes. After that they conclude that the success of the opposition can be explained by the combination of two factors: the increase in protest sentiments, which reduced the electoral base of the pro-government nominees, and the decrease in the level of competition inside the opposition, due to both the “smart voting” strategy and disqualification of candidates. These factors largely ensured the flow of votes away from the administrative candidates and weak opposition members to the most powerful opposition candidates, thereby contributing to their victory. “Smart voting” contributed to this victory, but did not determine the overall outcome of the elections. Its quantitative effect amounted to 5.6% of the vote, while the effect of the protest vote was 9.7%. Moreover, while “smart voting” played a decisive role in the victory of several candidates, it deprived of victory approximately the same number of opposition representatives who were not able to confront two competitors simultaneously.

Keywords: elections, opposition, electoral behavior, tactical voting, protest voting

References

- Byzov L.G. (2015) “Natsional’nyj konsensus ili obshchestvennaja anomalija?” [National Consensus or Social Anomaly?] // *Svobodnaja mysl’* [Free Thought], no. 4: 60–75. (In Russ.)
- Dmitriev M., S.Belanovsky, and A.Nikolskaya. (2018) *Priznaki izmenenija obshchestvennykh nastroyenij i ikh vozmozhnye posledstviya* [Signs of Changing Public Attitudes and Their Possible Consequences]. Moscow: Komitet grazhdanskikh initsiativ. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (accessed on 6.12.2019). (In Russ.)
- Dollbaum J.M. (2019) “Outsmarting Electoral Authoritarianism? Alexey Navalny’s „Smart Voting“ in Moscow and Beyond” // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 5–11.
- Fisher S. (2004) “Definition and Measurement of Tactical Voting: The Role of Rational Choice” // *British Journal of Political Science*, vol. 34, no. 1: 152–166.
- Franklin M., R.Niemi, and G.Whitten. (1994) “The Two Faces of Tactical Voting” // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 549–557.
- Gschwend T. (2017) “Ticket-Splitting and Strategic Voting under Mixed Electoral Rules: Evidence from Germany” // *European Journal of Political Research*, vol. 46, no. 1: 1–23.
- Heath A. and G.Evans. (1994) “Tactical Voting: Concepts, Measurement and Findings” // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 557–561.
- Kak protestujut rossijane. Rezul’taty monitoringa protestnoj aktivnosti v tret’em kvartale* [How the Russians Protest. Results of Monitoring of Protest Activity in the Third Quarter of 2019]. (2019) Moscow: Tsentr sotsial’nykh i trudovykh prav. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_3_Quart_2019.pdf (accessed on 8.12.2019). (In Russ.)
- Kazun A.D. (2017) “Effekt „rally around the flag“. Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremja tragedij i mezhdunarodnykh konfliktov?” [“Rally Around the Flag” Effect. How and Why Support of the Authorities Grows During International Conflicts and Tragedies?] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 136–146. (In Russ.)
- Kolosov V.A. and N.A.Borodulina. (2004) “Elektoral’nye predpochtenija izbiratelej krupnykh gorodov Rossii: tipy i ustojchivost’” [Electoral Preferences in Cities and Large Towns of Russia: Types and Stability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 70–79. (In Russ.)
- Lanoue D.J. (1994) “Retrospective and Prospective Voting in Presidential-Year Elections” // *Political Research Quarterly*, vol. 47, no. 1: 193–205.
- Lytkina K.A. (2016) *Elektoral’naja kul’tura naselenija goroda Moskvy: sotsiologicheskij analiz* [Electoral Culture of the Population of Moscow: a Sociological Analysis]. Ph.D. diss. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Mair P. (2019) *Upravljaja pustotoj: Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Mamonov M.V. (2013) “Elektoral’nye predpochtenija rossijan: sem’ pjatnits na nedele?” [Electoral Preferences of the Russians: Seven Fridays a Week?] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 2: 33–39. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2013/114/2013_114_6_Mamonov.pdf (accessed on 3.12.2019). (In Russ.)

Ovchinnikov B. (2019) *Effekt “Umnogo golosovanija” v Moskve: 300 tysjach golosov* [The Effect of “Smart Voting” in Moscow: 300 Thousand Votes]. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/143799> (accessed on 3.12.2019). (In Russ.)

Palfrey T.R. (1988) *A Mathematical Proof of Duverger’s Law*. Social Science Working Paper no. 688. California Institute of Technology, Pasadena, CA.

Pop-Eleches G. (2010) “Throwing out the Bums: Protest Voting and Unorthodox Parties after Communism” // *World Politics*, vol. 62, no. 2: 221–260.

Rogov K. (2019) “„Umnoe golosovanie“: strategija, kolichestvennye otsenki, perspektivy” [“Smart Voting”: Strategy, Quantitative Estimates, Prospects” // Rogov K., ed. *Vstrechnaja mobilizatsija. Moskovskie protesty i regional’nye vybory* [Counter Mobilization. Moscow Protests and Regional Elections — 2019]. Moscow: Fond “Liberal’naja missija”: 91–97. (In Russ.)

Rost protestnoj aktivnosti v Rossii: rezul’taty vserosijskogo monitoringa 2017–2018 gg. [Growth of Protest Activity in Russia: Results of the All-Russian Monitoring 2017–2018]. (2018) Moscow: Tsentr ekonomicheskikh i politicheskikh reform. URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/Протесты-в-РФ-всероссийский-мониторинг.pdf> (accessed on 3.12.2019). (In Russ.)

Shestopal E., V.Vagina, and P.Pass. (2019) “Novye tendentsii v vospriyatii vlasti rossijskimi grazhdanami” [New Trends of Russian Citizens’ Perception of Authorities] // *Politeia*, no. 4: 67–86. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\)-67-86.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95)-67-86.pdf) (accessed on 30.12.2019). (In Russ.)

Taagepera A. and M.S.Shugart. (1997) “Opisanie izbiratel’nykh sistem” [Description of Electoral Systems] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 114–131. (In Russ.)

Turovsky R.F. (2012) “Elektoral’noe prostranstvo Rossii: ot navjazannoj natsionalizatsii k novej regionalizatsii?” [Electoral Space of Russia: From Imposed Nationalization towards New Regionalization?] // *Politeia*, no. 3: 100–120. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Turovskiy-2012-3.pdf (accessed on 3.12.2019). (In Russ.)

Turovsky R.F. (2018) “Prezidentskie vybory v Rossii: vozmozhnosti i predely elektoral’noj konsolidatsii” [Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation] // *Politeia*, no. 2: 23–50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (accessed on 3.12.2019). (In Russ.)

Volkov D. and A.Kolesnikov. (2019) *My zhdem peremen — 2. Pochemu i kak formiruetsja spros na radikal’nye izmenenija* [We are Waiting for Changes — 2. Why and How the Demand for Radical Changes Is Formed]. Moscow: Moskovskij tsentr Karnegi. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (accessed 3.12.2019). (In Russ.)

Waller J. (2019) “*Smart Voting*” Is Getting Smarter. URL: <https://www.ridl.io/en/smart-voting-is-getting-smarter/> (accessed on 25.11.2019).

Zevina O.G. and B.I.Makarenko. (2010) “Ob osobennostjakh politicheskoy kul’tury sovremennoj Rossii” [Some Peculiarities of Political Culture of Modern Russia] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 114–131. (In Russ.)

Zhel'nina A. (2019) “National and Urban Politics Converge in Moscow: Will Local Activism Prevail?” // *Metropolitiques*, 1.10. URL: <https://www.metropolitiques.eu/National-and-Urban-Politics-Converge-in-Moscow-Will-Local-Activism-Prevail.html> (accessed on 5.12.2019).